

К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМ ЗАРОЖДЕНИЯ БУРЖУАЗНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ТУРЦИИ

А. Р. ОГАНЕСЯН

В последние десятилетия востоковедная историография отмечает «взрыв» национализма в развивающихся странах и, соответственно, возросшее число публикаций, посвященных исследованию его природы, сущности, форм, типов и характера эволюции¹. В этом контексте примечательно появление целого ряда исследований, изданных как у нас в стране, так и за рубежом, рассматривающих проблемы возникновения, развития, характера и сущности турецкого буржуазного национализма (тюркизма)².

¹ См.: А. Д. Литман, Об определении понятия и классификации типов национализма в развивающихся странах (к постановке вопроса) (Народы Азии и Африки, 1973, № 1, с. 37—49); Обмен мнениями по статье Литмана А. Д. (Народы Азии и Африки, 1975, № 1, с. 44—68); Современный национализм и общественное развитие зарубежного Востока, М., 1978; Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока, М., 1986; З. И. Левни, Ислам и национализм в странах зарубежного Востока, М., 1948; Nationalism in the Middle East, New York, 1952; Expectant Peoples. Nationalism and Development, New York, 1963; A. Bureau, Vocabulaire pratique des sciences sociales, Paris, 1966; K. B. Minogue, Nationalism London, 1977; Nationalism in Asia and Africa, New York, 1970; C. P. Piscoll, The Advent of Ideology in the Islamic Middle East (Studia Islamica, № 55, 1932).

² См.: Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX—начало XX вв.) [Очерки по истории общественной мысли народов Востока (раздел: Турция), М., 1973]; Э. Ю. Гасанова, Общественная мысль в Турции в период буржуазной революции 1908 г. (Современная философская и социологическая мысль стран Востока, М., 1965, с. 216—241); ее же, Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908—1914 гг.), Баку, 1966; Д. Е. Еремеев, Особенности образования турецкой нации (Советская этнография, 1969, № 5, с. 57—67); И. Л. Фадеева, Ислам и тенденции национализма в идеологии османского общества второй половины XIX в. (Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока, М., 1986, с. 140—153; Lewis V. Thomas, Nationalism in Turkey (Nationalism in the Middle East. The Middle East Institute, Washington, 1952); F. Tashau, The Face of Turkish Nationalism (The Middle East Journal, vol. 13, 1959, № 3); Ziya Gökalp, The Principles of Turkism, Leiden, 1963; B. Lewis, The Emergence of Modern Turkey, London, 1932; N. Berkes, The Development of Secularism in Turkey, Montreal, 1961; K. Karpat, Turkey's Politics in the Transition to a Multi-Party System, New-Jersey, 1959; D. Kushner, The Rise of Turkish Nationalism (1878—1903), London, 1977; Eric Yan Zürcher, The Role of Committee of Union and Progress in the Turkish National Movement (1903—1926), Leiden, 1984; F. Georjeon, Aux origines du nationalisme turc, Paris, 1930; J. M. Landau, Pan-Turkism in Turkey. A Study in Irredentism, Hamden, 1981; C. Kudret, Ziya Gökalp, Ankara, 1963; M. E. Erilşirgil, Türkçülük devri, milliyetçilik devri, insanlık devri, Ankara, 1958; I. Kafesoglu, Türk milliyetçiliğinin meseleleri, Ankara, 1956.

Не преследуя цель дать общую оценку отдельным работам, нам бы хотелось остановиться на некоторых концептуальных положениях разработок по данной теме, которые, как нам кажется, нуждаются в уточнении, пересмотре или даже переосмыслении. Это тем более важно, что многие из них, войдя в научный оборот, приобрели характер неких стереотипов, своего рода «историографических клише».

Известно, что на развитие общественно-политической мысли в Турции в конце XIX—начале XX вв. большое влияние оказали идеи Гердера, Фихте, Ницше, Трайчке, а также взгляды таких социологов, как Дюркгейм, Лебон, Ренан и др. Определенную роль в формировании идеологии тюркизма сыграло также германо-турецкое сближение. Гиперболизируя значение внешних факторов, ряд авторов (У. Хейд, Б. Люис, К. Карпат, Д. Кашнер, Ф. Башгиль и др.)³ проводят мысль о том, что национализм был заимствован турками у европейцев. Б. Люис, например, считает, что национализм (качественно иное явление в отличие от патриотизма, существовавшего, скажем, в Англии и Франции) зародился в Центральной Европе, где жили немцы, чехи, словаки, поляки, но не было Германии, Чехословакии или Польши. Была общность языка, культуры, но не было юридически оформленной территориальной общности. Вместо идей западноевропейского патриотизма возникали и развивались идеи национализма. Такая идея национального единства, продолжает далее Б. Люис, быстро проникла в Османскую империю с ее многонациональным составом. Последними, кто воспринял такие идеи национального и культурного единства, были турки, занимавшие господствующее положение в Османской империи. Медленно, под влиянием Запада, пишет Б. Люис, турки стали ощущать свою общность как нации в османском государстве и исламском мире⁴.

Подобные концепции связаны с тем, что западные историки рассматривают развитие стран Востока как «переход от традиционного общества к современному» или как процесс вестернизации (модернизации)⁵. Национализм, таким образом, «механически перенимается» восточным обществом как необходимый компонент вестернизации. Подобная трактовка явлений не учитывает глубинных, социально-экономических процессов, происходивших в Турции, не связывается со вступлением ее на буржуазный путь развития. Эволюция Османской империи следовала собственной логике, и именно внутреннее развитие сделало османское общество восприимчивым к внешним влияниям. Достаточно подробно эти процессы освещались в советской туркологической литературе⁶. Однако нам кажется, что вряд ли оправдано рассмотрение национализма в начальной его стадии как чисто буржуазного явления, ибо сами авторы (Ю. А. Петросян, Э. Ю. Гасанова) неоднократно справедливо подчеркивают слабость именно ту-

³ U. He y d, *Foundations of Turkish Nationalism*, London, 1954; B. Lewis указ. соч., К. Карпат, указ. соч., F. Başgıl, *Türk milliyetçiliği: doğuşu, mânası, gayesi ve vazifeleri*. II TT Kongresi, İstanbul, 1937, Kongrenin çalışmaları, kongreye sunulan tebliğler, İstanbul, 1943; K. Inross, *Ataturk. A Biography of Mustafa Kemal, Father of Modern Turkey*, New York, 1965.

⁴ B. Lewis, указ. соч., с. 337.

⁵ См.: М. Н. Тодорова, *Европеизация Османской империи (постановка проблемы и ее освещение в современной западной и турецкой историографиях)* (Народы Азии и Африки, 1977, № 2, с. 204—211).

⁶ См.: *Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX—начало XX вв.)*.

режкой национальной буржуазии в стране⁷. В начальной стадии формирования национализма очевидна его связь и с восточным просветительством, и с традиционным этатистским, а также исламским реформаторством, так называемым «антифоринизмом», характерными и для феодального общества. С нашей точки зрения, здесь необходимо более детальное изучение механизмов проникновения и дальнейшей трансформации западных идей в традиционных обществах Востока, в частности, в Османской империи⁸.

Еще одним распространенным стереотипом в изучении проблем национализма (тюркизма и пантюркизма) является тот, что он возник среди тюркоязычных меньшинств России как ответ на панславизм, и лишь потом был ввезен в Турцию⁹. «Пантюркизм—продукт российской действительности и, если в центре Турции—Стамбуле—он нашел себе сторонников и покровителей, то это было в результате многолетней борьбы российских и турецких пантюркистов за преодоление «осмапизма», который был по существу основан на отрицании родства османских турок с российскими тюрко-татарами, несмотря на общность религии и очевидное сходство языков»¹⁰.

Американский автор Чарльз Уоррен Хостлер отмечает следующее: «В результате эмиграции тюрко-татарских лидеров из России, подавления либерализма в России после 1907 г. и приближения войны 1914—1918 гг. центр тяжести пантюркизма переместился из России в Турцию»¹¹. Ниязи Беркес, говоря о пантюркизме и пантуранизме, пишет, что «два последних течения возникли вне Турции: одно в России, другое—в Венгрии» и что пантюркизм был направлен «против царского управления», а пантуранизм—«против панславизма»¹². Действительно, после поражения революции 1905 г., в период столыпинских реформ некоторые видные буржуазные националисты царской России тюркского происхождения эмигрировали в Турцию (Ю. Акчура, А. Агаев, А. Гусейнзаде, И. Гасприицкий и др.), став там видными идеологами пантюркизма. На наш взгляд, правильнее искать корни националистических пантучений любой нации на местной почве. Националистические идеи существовали и в царской России среди буржуазных кругов тюркоязычных народов, но в Турции они развились на своей собственной почве и именно здесь окончательно оформились. Очевидно, что для выяснения взаимозависимости и взаимовлияния «российского» и «турецкого» тюркизма необходимы комплексные исследования указанных идеологических процессов для обеих этих стран.

⁷ См.: Ю. А. Петросян, *Турция (Зарождение идеологии национально-освободительного движения)*, М., 1973, с. 19; Э. Ю. Гасанова, *Общественная мысль в Турции в период буржуазной революции 1908 г. (Современная философская и социологическая мысль стран Востока)*, М., 1965, с. 221; на это обратил внимание Б. С. Ерасов: Б. С. Ерасов, *Проблемы исследования идеологии народов Востока в новое время (Народы Азии и Африки, 1975, № 1, с. 108—121)*.

⁸ Об этом говорилось также в докладе И. Е. Петросян—Реформаторское движение в Османской империи в XIX веке: традиции и новации (Туркологическая конференция «Проблемы истории Ближнего Востока (Османская империя) на рубеже XIX—XX вв.», Ереван, 21—23 мая 1986 г.).

⁹ А. Аршаруни, Х. Габидуллин, *Очерки панисламизма и пантюркизма в России*, М., 1931; С. W. Hostler, *Turkism and the Soviets*, London, 1957; N. Berkes, указ. соч.

¹⁰ А. Аршаруни, Х. Габидуллин, указ. соч., с. 13.

¹¹ С. W. Hostler, указ. соч., с. 137.

¹² N. Berkes, указ. соч., с. 334, сноска II.

Попыткой такого рода является изданная в США книга С. Зенковского «Пантюркизм и ислам в России»¹³. Проследившая в целом процессы национального развития у тюркоязычных народов России с середины XIX в., С. Зенковский справедливо отмечает разницу в уровнях самосознания, скажем, у крымских татар, кавказских татар, волжских татар, народов Средней Азии. В целом у всех этих народов, как пишет американский автор, форма национального самосознания выражалась главным образом в виде приверженности исламу вплоть до первой четверти XX в. Когда в 1905—1906 гг. тюрко-татарские лидеры в России организовывали свои конгрессы, во всех документах фигурировали слова «мусульмане», а не турки. Даже проведенный в 1917 г. в России съезд назывался Первым всероссийским съездом мусульман, а скажем, басмаческое движение проходило не под национальными, а под религиозными панисламистскими лозунгами, как борьба с «неверными» и «безбожниками». И только после советизации, принесшей значительную секуляризацию общественной жизни, по мнению С. Зенковского, у этих народов стало выкристаллизовываться собственно национальное, а не исламское сознание. Однако, на наш взгляд, надо учесть, что там, где зарождалась местная буржуазия, как например среди крымских, волжских или кавказских татар, этот процесс проходил значительно раньше и быстрее. Так что здесь необходима четкая дифференциация. Как уже отмечалось выше, выходцы из России стали видными идеологами пантюркизма.

В Османской империи к началу XX века сформировались две идейно-политические доктрины: осмапизм и исламизм, причем обе выражались в виде реакционных пантечений. В планах и османистов, и исламистов туркам отводилась главенствующая роль: в паносманизме—это объединение всех подданных Османской империи при господствующем положении турок, в панисламизме—объединение всех мусульман под эгидой все того же турецкого султана-халифа. Израильский востоковед Уриел Хейд совершенно справедливо отмечает, что практически идеи османизма стали ширмой для отуречивания государства¹⁴. Надо подчеркнуть, что в советской литературе существуют две по сути противоположные точки зрения на природу османизма¹⁵. И. Л. Фадеева пытается представить османизм как доктрину «равенства и братства». Мы склонны разделить мнение Р. А. Сафрастяна о том, что программа «османизации полиэтнического населения Османской империи... была направлена на ассимиляцию нетурецких народов... положения об уравнивании в правах мусульман и немусульман... представляли собой лишь ширму для затемнения ее главной цели»¹⁶. Таким образом, ростки зарождающегося тюркизма проявлялись в различных идейных течениях в Османской империи¹⁷. Выходцы из России, многие из которых получили образование в Петербурге, Париже, Женеве и других научных центрах Европы, эмигрировав в Турцию,

¹³ S. A. Zenkovsky, *Pan-Turkism and Islam in Russia*. Cambridge, Massachusetts, USA, 1960.

¹⁴ U. Heyd, указ. соч., с. 73.

¹⁵ И. Л. Фадеева, *Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм-панисламизм)*, М., 1985; Р. А. Сафрастян, *Доктрина османизма в политической жизни Османской империи*, Ереван, 1985.

¹⁶ Р. А. Сафрастян, указ. соч., с. 47.

¹⁷ См.: А. Р. Оганесян, *К вопросу о формировании буржуазно-националистического направления в турецкой историографии (Тезисы XIII республиканской научной сессии молодых востоковедов, Ереван, 1987. с. 29—30).*

принесли с собой, конечно же, целый спектр программ российских националистов. В результате синтеза этих идей, основной из которых являлся тюркизм, а также дальнейшей его политизации именно в Турции родились доктрины пантюркизма и пантураннизма. Эти доктрины стали усиленно пропагандироваться среди тюркоязычного населения России. Программа пантюркистов, как пишет С. Зенковский, должна была осуществиться в три этапа. Прежде всего османские турки должны были укрепить свои позиции внутри империи и отуречить национальные меньшинства, затем должен был начаться пантюркистский период, когда ближайшие соплеменники османских турок—кавказские татары (азербайджанцы) должны были войти в состав турецкого государства. На третьем этапе под сенью турецкого государства должны были собраться все тюркоязычные и «туранские» народы Азии¹⁸. Основные положения пантюркизма были сформулированы в целостном виде Зией Гёкальпом¹⁹.

Для объяснения сущности и характера тюркизма некоторые советские авторы (А. Ф. Миллер, Э. Ю. Гасанова, Д. Е. Еремеев, А. А. Колесников) обращаются к известному ленинскому определению о двойственной природе национализма угнетенной нации²⁰. Подобная посылка кажется нам не совсем верной, поскольку она не учитывает специфической ссобенности Турции, зависевшей, в какой-то степени, от великих держав, но одновременно являвшейся империей, угнетательницей других народов. Для пояснения этой мысли считаем целесообразным привести несколько аргументов из обмена мнениями по упомянутой статье А. Д. Литмана²¹. А. Д. Литман подразделяет национализм на четыре типа: «По политическому признаку национализм делится на четыре типа: на национализм угнетающей нации (ныне ему соответствует национализм империалистической буржуазии), национализм угнетенных и развивающихся наций, национализм большой (или господствующей нации в различных типах многонациональных несоциалистических государств) и национализм маленькой (или местный национализм)»²². Выходит, что А. Д. Литман признает два основания для деления национализма. Одно для разграничения национализма на первые два типа и какое-то другое—на два последних. Но разве национализм угнетающих наций (по классификации автора—I тип) чем-то отличается от национализма больших господствующих наций (II тип), а национализм угнетенных (III тип), в свою очередь, от национализма малых наций (IV тип)?—задает резонный вопрос А. Д. Литману его оппонент М. В. Иордан²³. Очевидно, утверждает М. В. Иордан, что национализм по политическому признаку следует делить на два основных типа. Приводимое ниже высказывание В. И. Ленина не оставляет на этот счет никаких сомнений. Критикуя абстрактную постановку вопроса о национализме, В. И. Ленин писал, что «необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой»²⁴. И далее, что для нас очень важно: «По отношению ко

¹⁸ S. Zerkovsky, указ. соч., с. III.

¹⁹ Ziya Gökalp, *Türkçülükün esasları*, İstanbul, 1908.

²⁰ В. И. Ленин, ПСС, т. 25, с. 275—276.

²¹ А. Д. Литман, указ. соч.

²² Там же, с. 39.

²³ М. В. Иордан, О своеобразии национализма в странах «третьего мира», (Народы Азии и Африки, 1975, № 1, с. 49—50).

²⁴ В. И. Ленин, ПСС, т. 45, с. 358—359.

второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия»²⁵. По отношению к какому это второму? Ясно, что по отношению к национализму малых угнетенных наций. Следовательно, есть и первый. И им является национализм больших угнетающих наций, заключает М. В. Иордан. «Национализм больших и национализм угнетающих наций—это не два разных национализма, а один и тот же угнетательский национализм великодержавных наций. Соответственно, национализм малых и национализм угнетенных наций—это не два отличных друг от друга национализма, а один и тот же национализм наций, задавленных национально-колониальным гнетом, национализм подчиненных, зависимых, неополноправных наций»²⁶. Таким образом, понятно, что обращение к ленинскому определению о двойственной природе национализма угнетенной нации (в отношении турецкого национализма, национализма угнетающей нации) совершенно неоправдано.

Неправомерной представляется нам также точка зрения, согласно которой тюркизм в начале своего возникновения характеризуется как лишь «литературный», «культурный» (К. Карпат), «прогрессивный» и только в процессе дальнейшей своей эволюции приобретает черты реакционного пантечения. Дело в том, что тюркизм с самого начала содержал в себе характерную особенность—двойственность, сочетание «интраверсивности» и «экстраверсивности». Как пишет Э. Ю. Гасанова, «тюркизм не был однозначным явлением и выступал с самого начала в двойном облике»²⁷: одно его лицо было обращено как бы внутрь страны, а другое—к различным по своему происхождению и связанным лишь языковым родством народам, носило отпечаток великодержавной идеологии пантюркизма-пантуранизма²⁸. Отсюда проистекает трудность определения грани между тюркизмом и пантюркизмом, на которую ссылаются многие исследователи. В другой своей работе Э. Ю. Гасанова, например, констатирует, что «в действительности идеология турецкого буржуазного национализма—тюркизм с самого начала проявлялась не в чистом виде, а с большой примесью пантюркизма» и была настолько насыщена «пантюркистскими идеями, что порой очень трудно определить грань между тюркизмом и пантюркизмом»²⁹. Как нам кажется, эта трудность проистекает из упрощенной трактовки ленинского определения о двойственной природе национализма³⁰.

Другая сложность, обусловленная вышеуказанным концептуальным положением, заключается в следующем: по мнению ряда историков (А. Ф. Миллер, Д. Е. Еремеев, Э. Ю. Гасанова) «кемалисты в дальнейшей своей борьбе за спасение Турции стали опираться на идеологию буржуазного национализма, очищенного от пантюркистских наслоений»³¹. А. Ф. Миллер пишет, что «Ататюрк впервые в истории

²⁵ В. И. Ленин, ПСС, т. 45.

²⁶ М. В. Иордан, указ. соч., с. 50.

²⁷ Э. Ю. Гасанова, Об идеологических основах кемализма и их современном толковании в Турции (Народы Азии и Африки, 1968, № 3, с. 17).

²⁸ Там же.

²⁹ Э. Ю. Гасанова, Общественная мысль в Турции..., с. 233.

³⁰ Кстати, некоторые западные исследователи, характеризуя турецкий национализм, употребляют термин «conqueror complex» («комплекс завоевателя»—The Ottoman State and Its Place in World History, Leiden, 1974).

³¹ Э. Ю. Гасанова, Общественная мысль в Турции..., с. 236.

турецкой общественной мысли четко отделил турецкий национализм — *тюркизм* (А. О.) не только от общеосманского или общемусульманского квазинационализма «новых османов», но и от пантюркизма младотурок...»³². Позже в советскую историографию вошел термин «кемалистский национализм» (Э. Ю. Гасанова). «Иногда имеет место попытка подмены кемалистского национализма *тюркизмом* (А. О.) и даже пантюркизмом, нашедшая отражение в работе ряда западных авторов»³³. (Как мы видели выше, не только западных, но и советских). Попытка представить кемалистский национализм в качестве «очищенного» тюркизма недооценивает, как нам кажется, генетическую, преемственную связь идеологии кемалистов и младотурок³⁴ не только в теории, но и в практике, беря за основу лишь их декларативные заявления. Например, Э. Ю. Гасанова пишет, что выступление Мустафы Кемалья с трибуны Великого национального собрания Турции в декабре 1921 г., в котором он критиковал пантюркизм и панисламизм³⁵, означало официальный отказ турецкой национальной буржуазии от этих идеологий³⁶. Правда, она же замечает, что «Кемаль Ататюрк не всегда был последователен в осуждении пантюркизма. Впоследствии он попустительствовал деятельности ряда лиц, в чьих *статьях и книгах* (и только?—А. О.) пропагандировалась эта реакционная идеология»³⁷. К сожалению, мягким словом «попустительство» названо не только ущемление прав национальных меньшинств Турции—греков, курдов, армян и др., но и резня армян и греков, прямая агрессия в Закавказье уже в кемалистский период³⁸. Упрощенная трактовка кемализма (как «очищенного» тюркизма) не объясняет, с нашей точки зрения, живучесть и возрождаемость пантюркистских идей в Турции уже после создания национального государства, вплоть до наших дней.

Таким образом, как видим, необходимо дальнейшее изучение проблем турецкой общественно-политической мысли, а также переосмысление некоторых устоявшихся концепций в этой области. Это поможет полнее охарактеризовать идейные процессы, происходившие в Турции в прошлом и, возможно, будет способствовать их пониманию в настоящее время.

³² А. Ф. Миллер, *Формирование политических взглядов Кемалья Ататюрка* (К 25-летию со дня его смерти). (Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории, М., 1983, с. 110).

³³ Э. Ю. Гасанова, *Об идеологии национально-освободительного движения в Турции и роли Кемалья Ататюрка в ее развитии* (Турция) (история и современность), М., 1988, с. 166).

³⁴ См: Erik Yan Zürcher, указ. соч.

³⁵ Atatürk'ün soyle ve demecleri, Istanbul, 1945, s. 193—194.

³⁶ Э. Ю. Гасанова, *Идеология буржуазного национализма...*, с. 146.

³⁷ Там же, с. 148.

³⁸ См. об этом: Е. К. Саркисян, *Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны*, Ереван, 1962, с. 317—420; Р. Г. Саакян, *Франко-турецкие отношения и Киликия в 1918—1923 гг.*, Ереван, 1986; Дж. С. Киракосян, *Младотурки перед судом истории*, Ереван, 1986, с. 292—347.

ԹՈՒՐԳԻԱՅՈՒՄ ԲՈՒՐՋՈՒԱԶԳԱՅԵԱԿԱՆ ԳԱՂԱՓԱՐԱԽՈՍՈՒԹՅԱՆ
ՇԱԳՄԱՆ ՊՐՈՐԷԽՆԵՐԻ ՊԱՏՄԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՇՈՒՐՋ

Ա. Ռ. ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Վերջին տասնամյակներին մեզանում և արտասահմանում հրատարակվող մի շարք աշխատություններ շոշափում են թուրքական բուրժուազայինական գաղափարախոսության ծագման պրոբլեմները: Այդ հետազոտություններում առաջադրված կոնցեպտուալ դրույթները ճշգրտման, վերանայման և նույնիսկ վերախմաստավորման կարիք ունեն: Դա խիստ կարևոր է, քանզի այդ դրույթներից շատերը, մտնելով դիտական շրջանառության մեջ, դարձել են յուրատեսակ «պատմագրական ստերեոտիպներ»: Դրանց վերանայումը թույլ կտա էականորեն բնութագրել ժամանակակից Թուրքիայի գաղափարական հոսանքները:

TO THE HISTORIOGRAPHY OF THE ORIGINATION OF THE
BOURGEOIS-NATIONALISTIC IDEOLOGY IN TURKEY

A. R. OGANESIAN

S u m m a r y

Quite a number of works published within the last decades both in this country and abroad have been dedicated to exploring the issues of the origination of the Turkish bourgeois-nationalistic ideology. The conceptual statements advanced in these research works need to be specified, revised and even reappraised. This is extremely important since many of these statements having been introduced into the scholarly circulation became a sort of „historiographic stereotypes“. Their revision will enable a fuller and more multi-lateral characterization of the ideological currents in the present-day Turkey.